

Народные рецепты воспитания

Зарифа ЦАЛЛАГОВА, ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института семьи и воспитания РАО, доктор педагогических наук

Национальная культура — мощное средство воспитания. Оно помогает сохранить свойственный ребёнку пластичный контакт с окружающим миром, раскрывает ему непреходящие ценности — истину, добро и красоту. В народных афористичных изречениях (поговорах, пословицах, присловьях, благопожеланиях, клятвах, проклятиях) отражается жизнь — в соответствии с логикой природы, гармонизирующей существование человека. Афоризмы — своего рода рецепты этой гармонии, сформулированные задолго до появления современных религий. Следуя простым и доступным предписаниям, человек учится быть мудрым, доброжелательным и по-своему счастливым. Народные афоризмы, предельно короткие по форме и беспредельно глубокие по смыслу, охватывают буквально все темы, затрагивая животрепещущие и вечно актуальные вопросы морали и истины в их взаимопроникновении. Два эти фундаментальных начала — познание и нравственность, а также взаимосвязь мира природы и внутреннего мира человека и определяют доминанту афористического творчества народа.

Афористическое наследие, как и вся народная культура, — не только выражение философских и педагогических знаний народа. Афоризмы — источник агрономических, астрономических, метеорологических, медицинских знаний, неназойливо нацеливающих нас на восприятие человека как творца и создателя добра, на передачу жизненного опыта, а также на профилактику ошибок, индивидуальных и социальных бед.

Употребление в повседневной речи малых фольклорных форм придаёт ей образность, фигуративность, яркость, тот особый колорит, который делает речь экспрессивной, действенной. «Я одним словом своим делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник...» — так определял весомость своей речи, полной афористических вкраплений, один из кабардинских гегуако — народных сказителей. Такие мудрые старцы, владеющие всем богатством культурного наследия народа, обладали способностью превращать народный афоризм в воспитательное средство.

Интересно, что этнически различные афористические установки при сходных жизненных ситуациях являются как бы вариантами одной и той же основы. Это можно проиллюстрировать сотнями примеров. Так, проповедуя единую идею необходимости и эффективности раннего воспитания ребёнка, основанную на обширном опыте и многовековой воспитательной практике, различные народы в своих национальных афористических наставлениях говорят об одном и том же: «Ветку гнут, пока она сыра, ребёнка воспитывают, пока он мал» (адыг.); «Если не согнул прут, не согнёшь никогда колом» (адыг.); «Воск мни, пока он горяч, человека учи, пока он мал» (адыг.); «Обруч, не свёрнутый из прутика, не свернёшь из жерди» (чечен.); «Дерево гнётся молодым (побегом)» (осет.); «Гни дерево, пока гнётся, учи дитятко, пока слушается» (русс.); «Гни кол, пока он тонкий прут, вырастет — согнуть не сможешь» (балкар.); «То, чему научился щенком, не забыл и кобелём» (чечен.); «Если хочешь выпрямить дерево, делай это, пока оно молодо» (японск.); «Гни дерево, пока оно ещё молодо, учи ребёнка, пока он ещё мал» (армян.); «Из молодого, как из воска, что хочешь, то и вылепишь».

В приведённых примерах виден общий для всех народов характер природосообразности традиционного воспитания. Пословицы без детального развития важной проблемы обыгрывают свойства различных «природных материалов», и в образной, иносказательной форме подводят к социальным, педагогическим заключениям.

При традиционном укладе жизни весома и действенна была значимость благопожеланий. Об этом говорит стремление получить благословение в ответственный момент жизни, безусловная вера в благопожелания старших, силу их напутственных слов. Такая вера

способствовала успеху, удачливости ребёнка, повышала убеждённость в собственной значимости, уверенность в своих силах. По мнению столетнего ныне академика В.И. Абаева, известного учёного с мировым именем и человека исключительных нравственных качеств, его жизненную программу во многом определили благопожелания «Долго живи!», «Стань большим (великим) человеком!», которые он вместо и наряду со «спасибо» мальчишкой слышал от старших в ответ на оказываемые им услуги в родном осетинском ауле.

Стремление получить в решающий момент своей жизни благословение — широко распространённая у многих народов традиция. Очень весомо и чтимо это понятие в русском фольклоре, в духовной жизни русского этноса. Особое магическое значение придавалось родительскому благословию, в то время как заслуживших родительское проклятие чуврались, приводили в качестве отрицательного примера.

Герой киргизского эпоса Манас перед боем просит: «Благословите, предки, меня, счастливой сделайте битву мою!» В бурятском эпосе бабушка героя Абай Гэсэра упоминается с постоянным эпитетом благословляющая: «Манзан Гурмэ — бабушка, благославляющая и помогающая Гэсэру». При таком восприятии благопожеланий, при гармоничном вплетении в повседневный быт ребёнка оно становится важным условием его комфортного существования.

Усилению воспитательного, психотерапевтического воздействия пожеланий блага способствовало их произнесение в особые моменты психофизической жизни ребёнка: в праздники, в минуты пробуждения и засыпания, при травмах, когда словесное воздействие особенно значимо и сродни внушению. Этому же способствовал ритуал, сопровождавший некоторые благопожелания. Так, ингушское ловца (благопожелание): «Пусть будешь крепче железа!» — произносилось для оберега, когда родители забивали гвоздь на месте падения ребёнка. Малыш при этом прекращал плакать, переключая внимание и забывая о своей боли. В аналогичной ситуации могли произноситься другие благопожелания: «Пусть будешь ты храбрее волка!» (ингуш.); «Пусть олень упадёт на место, где ты упал!» (ингуш.).

Благопожелание ребёнку — не только моральный заряд, содействующий успеху, обретению оптимизма. Способствуя особому контакту между людьми, оно как бы программирует судьбу, поведение ребёнка. Осознавая это, древние давали детям имена, являющиеся усечёнными или рудиментарными пожеланиями. Использование такой формулы в качестве имени повышало частоту его применения, чем достигалась его действенность, более глубокое проникновение в подсознание. Не случайно с этой точки зрения детям давали имена: Царай — живи (осет.), Фидар — крепкий (осет.), Ахсар — отважный (осет.) в тех осетинских семьях, где была высокая детская смертность, где не выживали первенцы. Пожелание обрести твёрдость металлов, ловкость и силу зверей присутствует в тюркских именах: Аслан (Лев), Каплан (Львица), Булат, Казбек, Эльбрус. Общеизвестен смысл многочисленных русских имён: Любомир, Владимир, Святослав, Любомудр. Имена Надежда, Вера заключают не только утверждение, но и благословение — будь надеждой, опорой, верой. Имена-благопожелания, как и уменьшительно-ласкательные формы имён, служили средством выражения ласки, благорасположения к ребёнку, взрослого же человека они обязывали соответствовать имени, блюсти его.

Народные традиции активно поощряют благопожелания: «Произносящий благопожелания сам благословен» (осет.). «Пожелание здоровья напрасно не проходит (для здоровья произносящего благопожелание)» (осет.). Здесь угадывается своего рода эзотерическая народная информация о необходимости руководить своими действиями, мыслями и чувствами, направлять их в позитивное русло. Афористическая традиция не только накладывает вето на негативные проявления человека: «Проклинающий сам испытает силу своего проклятия» (осет.), «Проклятия, как цыплята, находят приют дома» (англ.). Ведь страх, ненависть и злоба для человека — путь духовного разорения. Использование афоризмов культивирует проявления добра, постоянную позитивную настроенность человека, уже с самого детства предупреждая ребёнка о серьёзных последствиях его негативных проявлений, в том числе мысленных и эмоциональных.

Часто в благопожеланиях обращаются к высшим божественным силам. Прежде всего это пожелания покровительства и благорасположения Бога, а также призыв и ожидание помощи от языческих божеств. Это своего рода благопожелания-молитвы, произносимые с глубоким чувством, с выразительной интонацией. Мало кто не согласится с тем, что люди искренне верующие создают себе своеобразную защиту. Народная словесность — молитвы, молитвы-тосты, песни, предания, клятвы, благопожелания, пропущенные через умы и чувства множества поколений, каждодневно присутствующие в их духовной жизни, перестают быть только словом.

Для проклятий характерно обращение к тем же явлениям и образам, что и в благопожеланиях, но контрастным, антонимичным. Если благопожелания метафоризируют восход солнца, то проклятия — его закат: «Пусть померкнет твоё солнце!» (осет.). Поскольку идиоматические выражения: моё солнце, моё солнышко, мой очаг, зеница моего ока — иносказательные обращения к ребёнку, резко негативная нацеленность такого рода пожеланий особенно рельефна: «Пусть погаснет твоё солнце!»; «Пусть потухнет твой очаг!» В проклятиях частенько противопоставляются слова: чёрный — белый, несчастливый — счастливый, мёртвый — живой, больной — здоровый, бедный — богатый, призванные здесь ассоциироваться с вызываемыми ими психологическими ощущениями: «Пусть чёрный день настигнет тебя!»; «Пусть кровавый дождь прольётся на твою голову!»

Проклятия помогали искоренять, бичевать всё антиобщественное, аморальное, антигуманное, безнравственное. Проклятия были эмоционально выраженным «красным светом» всему негативному, своеобразным «запретительным лозунгом». Использование в речи проклятий, несущих сильнейший негативный посыл, у всех народов ограничено рамками запретов (табу). Прочитывается однозначно отрицательное отношение к их использованию: «Пожелавший другому зло сам его получает» (осет.), «Произносимое ртом вдыхаешь носом» (чуваш.). Эзотерический смысл табу на проклятия, предполагающий наличие у говорящего сильных отрицательных эмоций и пожелание зла, видится в установке на всепрощение, гармонизацию человеческой жизни в соответствии с законами этики и находит своё подтверждение в работах современных практических психологов и древнейших восточно-азиатских медитативных практиках.

Пресекающим, предостерегающим началом обладала даже возможность навлечь на себя проклятие. Особенно страшной была угроза родительского проклятия. Щедринский персонаж Иудушка Головлёв, исчерпав другие аргументы, угрожает детям родительским проклятием. Народное право у северокавказцев также свидетельствует: люди, заслужившие родительское проклятие, были как бы отрицательно «маркированными» членами общины, к ним относились негативно. Такая весомость родительского нерасположения в народной традиции смыкается с религиозными заповедями, современной энергоинформационной теорией: связь детей и родителей, близких родственников тесна и нерасторжима не только на физическом, но и духовном, энергетическом уровнях. **Когда родитель адресует ребёнку взгляд, жест и тем более слово, пронизанное отрицательной экспрессией, он даёт подпитку негативным программам его жизни.**

Множество пословиц и поговорок призывает избегать ссор, негативных состояний духа, быть терпимым, не злословить, стойко переносить жизненные невзгоды, даёт рецепты сохранения душевного равновесия. Народные афоризмы связывают самым непосредственным образом психофизическое здоровье человека с состоянием его души. Современная психотерапия, кладущая в основу лечебного внушения полусонное, физически расслабленное состояние человека, заново открывает механизмы оздоравливающего действия воли, настроения, слова, зашифрованные в народных изречениях и используемые из поколения в поколение: «Держи в себе радость с утра в течение часа, и она тебя будет держать весь день» (узб.), «Как свою жизнь с утра сам настроишь, так она у тебя и будет идти (в течение дня)» (осет.).

Зафиксированная в афоризмах связь состояния здоровья с психикой человека подтверждается современными медико-биологическими исследованиями. Установлено, что эмо-

ции сопровождаются определённым химическим составом крови: плохие мысли отравляют существование, разрушают здоровье, в то время как хорошие способны улучшить самочувствие. Эти наблюдения как бы вторят народным установкам, рекомендующим сосредоточивать внимание на светлых и радостных сторонах жизни: «Берите пример с солнечных часов — ведите счёт лишь радостным дням» (нем.), «Плохой день не долгод, век плохого человека короток» (осет.), «Гнев человеку сушит кости, крушит сердце» (русск.), «Сердитый человек рано стареет» (балк.).

Уныние, гнев и в религиозных установках трактуются как грех. В христианстве это одна из главных заповедей. Почти афористически звучит библейское: «Весёлое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости» (Притч., 17). Благопожеланием, наставлением звучат слова Христа: «Да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. И радости вашей никто не отнимет от вас!» (Ин., 8). Апостол Павел настойчиво советует: «Радуйтесь всегда в Господе и ещё говорю: радуйтесь!»

Современная экспериментальная медицина бесстрастно констатирует: наличие в организме достаточного количества гормонов повышает сопротивляемость болезням, а эти жизнетворные вещества множатся в организме только при радостном настроении. А вот лабораторные анализы крови человека, пребывающего в состоянии подавленности, раздражения, злости, гнева свидетельствуют о наличии в ней токсинов, отравляющих его внутренние органы; то есть своими негативными эмоциями, на кого бы они ни были направлены, человек наказывает прежде всего самого себя.

Иногда причину болезни народ связывал с действием сверхъестественных сил, влиянием «иноного мира». Так, например, в ингушском фольклоре существует своеобразная формула пожеланий — заговаривание болезни («лазар хестор», букв.: «хвалить болезнь»). В проведении определённых процедур такое славословие было призвано обмануть, привлечь внимание олицетворяемой болезни к другим местам обитания, чтобы ей разонравились существующие условия, и она ушла, покинула тело больного. Этот образ ингушской традиции родствен восточно-азиатским представлениям об энергоинформационной сущности болезни: чтобы болезнь пациента не перешла на них, китайские мастера цигун-терапии на сеанс лечения обязательно надевают на себя побольше золотых предметов, способствующих очищению организма от патогенной энергии.

Таким образом, народная интуиция, выводящая на оптимальное поведение, в конечном счёте лечит, гармонизирует, успокаивает человека.

Не кажутся очень новыми и рекомендации некоторых западных психологов по налаживанию отношений с родителями и детьми. Бестселлером в Америке стала книга психолога К. Роджерса «Жизнь-101», в которой он увещевает: поздно переделывать родителей, бесполезно им возражать, по крайней мере внешне. Это вы к ним должны приноравливаться, терпеть, чтобы не было потом мучительно больно. Уважайте, прощайте, терпите — этот крест нести легче, чем мучительные сожаления, часто запоздалые и бесплодные. Всё это некий возврат к ясно формулируемой в афоризмах установке уважения к старшим, родителям: «У старшего вытри нос и спроси у него совета» (осет.), «Молодого наставляют, старого не поучают» (адыг., абаз.), «Кто старшего не послушался, в большую яму упал» (чечен.), «Где нет хороших стариков, там нет хорошей молодёжи» (адыг.), «Старый человек четверых молодых стоит» (чуваш.).

Нет отрасли человеческих знаний, в которой не было бы сгустков народно-педагогического опыта, афористичных текстов. Во многих из них содержится интуитивно поэтически осмысленная глубинная суть многих жизненных явлений, с течением времени объясняемая официальной наукой. Народные афоризмы с их плотностью информации, эмоциональностью, общей прогностической настроенностью, нацеленной на вечность, и сейчас весьма жизнедеятельны, а зафиксированные в них наблюдения миллионов людей над собой и своими собратьями оказывают огромное влияние и на современного человека.

В учебно-воспитательной работе современной школы весьма полезно широко ис-

пользовать педагогический потенциал народной афористики, которая характеризуется устремлённостью к духовности, нацеленностью на бесконфликтность, уступчивость, добро, истину, любовь.

Идея добра и любви в афористическом наследии народов — главенствующая. Множество смежных фольклорных (песенных, сказочных, эпических) её проекций позволяет осмыслить, «отомкнуть» информационный блок народных знаний и представлений. Под словом «любовь» фольклорные тексты позволяют понимать не только и не столько сентиментальные чувства, не только привязанность к родным, но также чувство благодарности, дружбы, восхищения, сострадания и уважения, расположения. Именно такая семантика прочитывается в слове «любовь», входящем во многие афористические тексты. Такая любовь — источник доброго отношения ко всем людям, к природе, ко всему живому. Наполненность такой любовью — основа нравственности, духовного роста, гармонизации чувств и одновременно — лучшая защита человека, ибо следование принципам духовности это профилактика дезадаптации личности, невротических реакций и сопряжённых с ними болезней души и тела.

Такая любовь — основа жизни, дающая человеку огромную жизненную энергию. Осознание необходимости любви, возведение её в жизненную норму решает множество проблем. Даже простая проповедь любви и пожелания добра ближнему в народных благопожеланиях умножают её силу, становятся попыткой прервать ставший порочным педагогический круг, ибо **только «педагогика свободы и любви» (Г.Н. Волков) может выпестовать человека гармоничного, способного к гармонизации взаимоотношений с окружающими людьми, природой.**

В народных афоризмах подчёркивается необходимость любви к детям, всему подрастающему, нуждающемуся в защите, опоре. Всё, что связано с воспитанием, пестованием детей, несмотря на вынужденную внешнюю суровость, порождено любовью. Безоглядной, неограниченной любовью к детям пронизаны и лаконичные образные изречения: «Лягушке её головастик — что луч солнца» (осет.), «Своих птенцов и грач считает красивыми» (адыг.), «Когда предложили принести самую красивую вещь, ворона притащила своего птенца» (чечен.), «Ворон говорит: «Мои птенцы белоснежные» (чуваш.), «Нет певчего для вороны против родного воронёнка» (русс.), «И бобры добры до своих бобрят» (русс.), «Материны глаза слепы» (русс.), «Если даже юноша слеп, матери он кажется зрячим» (абаз., кабард.).

Народная традиция, в свою очередь, и детей нацеливает на осознание материнского труда, любовь к ней, преданность и благодарность: «Кто почитал мать, того почитали все» (чечен.), «Никто ещё не заплатил долг матери» (осет.), «Ежедневно угощай мать блинами, испечёнными на ладони, — и то не отплатишь ей добром за добро, трудом за труды» (чуваш.). Иногда пословица не просто уговаривает быть почтительным, явно другие интонации слышны в следующей чувашской афористической фразе: «Не пришлось бы раскаиваться у гроба матери». Культ матери во всех традиционных культурах воспитания безоговорочен: «Свою мать ведьмой никто не назовёт» (осет.). Эти категоричные императивы гармонично слиты с многолетним опытом педагогики: «Ни одному воспитателю ни об одной матери нельзя отзываться отрицательно: с этим отзывом навсегда прекращается нравственное воздействие воспитателя на воспитуемого; нет плохих матерей: есть матери хорошие и несчастные» (Г.Н. Волков).

Другая важная гуманистическая идея народных афоризмов — смирение. И здесь религии вполне солидарны с проповедью народных стереотипов поведения («На все воля Божья...»). Каждое событие, каждый человек, выводящие нас из себя, — часть природы, Вселенной, и поэтому даже при физическом сопротивлении чему-то, человеку предписывается сохранять внутреннее смирение, гармонию с внешним миром. Призывом смириться, перетерпеть звучат очень популярные в народе афоризмы: «Плохой день и плохой человек недолговечны» (осет.), «Терпение и труд всё перетрут» (русс.). Как правило, чаще всего они звучат в устах пожилых, умудрённых жизнью людей, на практике испытавших, что

вражду может остановить только любовь, прощение, но не ответная вражда; понявших, что некоторые житейские невзгоды, как плохую погоду, надо перетерпеть и что никогда в мире насилие ни к чему хорошему не приводило. Такое осознание проблемы подводит к пониманию того, что ни смирение, ни компромисс не являются признаком слабости, рабства. Напротив, это признак духовной силы.

Действенность пословиц велика и в оценке современного человека, а самый широкий спектр их тематической направленности помогает наряду с развитием в ребёнке отдельных качеств и свойств характера связать эти свойства между собой. Известный современный американский социолог и педагог О.Х. Мур усматривает в россыпях народной мудрости, прежде всего пословицах и поговорках, один из древнейших источников педагогического человековедения. Народные сентенции, зафиксировавшие наблюдения миллионов людей над собой, своими братьями, по-прежнему актуальны, и их влияние на современного человека вне всякого сомнения.

Использование воспитательно-образовательных возможностей афористического арсенала традиционного воспитания — важный фактор этнопедагогизации содержания домашнего и школьного воспитания. Особая воспитательная ценность афоризма в том, что он несёт информацию обо всём том, что проповедует педагогическая традиция народа.

г. Москва